

Олег Бореко

В ПОИСКАХ ПОТЕРЯННОЙ УЛЫБКИ

Вселенная "ПИМ-Стар"

Книга 2

Олег Бореко

**Вселенная "Пим-Стар": Книга 2.
В поисках "Потерянной улыбки"**

«Автор»

2026

Бореко О.

Вселенная "Пим-Стар": Книга 2. В поисках "Потерянной улыбки" /
О. Бореко — «Автор», 2026

Они нашли причину исчезновения счастья во всей Галактике. Но заплатили слишком высокую цену. Четверо друзей-пимков — непоседа Тик, гениальная Зум, силач Тук и чуткая Шепот — совершили невозможное. Они проникли в сердце вселенской тоски, раскрыли тайну Скуклы и узнали, как вернуть украденные Искры Счастья. Их триумф должен был стать легендой. Но в последний миг, когда портал домой уже открылся, один из них исчез. Тик, самый дерзкий и отчаянный, оказался заперт в мире без волшебства — на далекой голубой планете Земля. Он невидим, без связи и без надежды на возвращение. Теперь его друзья на Пим-Стар должны найти способ вернуть его через бесконечность. А сам Тик понимает: чтобы выжить и помочь новому земному другу, придется нарушить главный закон и стать видимым. Но какой ценой? Это история о самом смелом побеге, о том, что даже в мире без чудес есть место волшебству, и о цене за чужую улыбку. Готовы узнать, что скрывает Потерянная Улыбка? Продолжение следует

© Бореко О., 2026

© Автор, 2026

Олег Бореко

Вселенная "Пим-Стар": Книга 2.

В поисках "Потерянной улыбки"

КНИГА ВТОРАЯ - В ПОИСКАХ ПОТЕРЯННОЙ УЛЫБКИ

Пролог

Иногда самое большое приключение начинается не с громкого крика «Вперёд!», а с тихого, почти неслышного вопроса: «Почему?».

Почему исчезает радость? Почему праздник может стать просто днём в календаре? Четверо друзей — непоседа Тик, изобретательница Зум, силач Тук и чуткая Шепот — задали себе этот вопрос, когда с их родной планеты Пим-Стар начали таинственно пропадать Искры Счастья, души всех подарков. Они не ждали приказа. Не спрашивали разрешения. Они просто пошли.

Их путешествие привело их на самый Край всего сущего, в царство древней, всепоглощающей тоски по имени Скукла. Они узнали страшную правду: чудеса не исчезают сами. Их ворует чужое, невыносимое одиночество. Но как сражаться с врагом, которого нельзя ударить? Как спасти того, кто сам является источником тревоги?

Эта книга — история не о битве, а о понимании. Не о захвате, а о возвращении. Это история о том, как самый маленький, дерзкий отряд во всей Галактике отправился не за славой, а за тем, чтобы протянуть руку помощи в самую глубокую, самую тёмную пустоту. Чтобы доказать, что даже от вселенской грусти можно найти дорогу домой.

Если, конечно, дорогу домой найдёт каждый из них.

ГЛАВА 1: ШЁПОТ ПУСТОГО ГНЕЗДА

Часть 1: Короли пустой крыши

На Пим-Стар царило странное затишье. Не тишина покоя, а та напряжённая, звенящая пауза, которая возникает, когда из весёлой мелодии внезапно вырывают четыре самые громкие ноты. Воздух, обычно густой от аромата свежей карамельной росы с Полей Сахарного Тростника и переливчатого смеха, теперь казался разреженным, словно его кто-то процедил через сито грусти.

Именно в этой неестественной тишине трое маленьких мятежников, известных как Хитрецы, решили устроить свой самый грандиозный протест против скуки. Их плацдармом стала крыша Хранилища Чудес – огромная, сияющая поверхность, напоминающая гигантскую, только что глазированную пончиковую глазурь. Их оружием – три старых, потрёпанных Прыгосамоката с чуть подсевшими подушками-пружинками.

Цвирь, чей хохолок вечно торчал вбок, словно антенна, поймавшая сигнал тревоги, мчался впереди. Он не просто избегал декоративных завитков из сахарной стружки на парапете – он считывал их, как карту. Его зоркие глаза, цвета спелой ежевики, замечали всё: едва заметную трещинку на стеклянном пузыре вентиляции, выцветший участок радужной эмали, странное отсутствие пыльцы-искрянки, которая обычно роилась над куполом в это время дня.

«Семь дней, – сверлила его мозг навязчивая мысль. – Ровно семь. Последний раз дядя Тик подбросил меня до той облачной ваты вон там... и с тех пор – тишина».

Бульк, отставая на полкорпуса, пыхтел как маленький паровозик. Его пушистый, как одуванчик-переросток, хвост яростно топорщился, цепляясь за потоки воздуха. Он не просто участвовал в гонке – он вёл счёт, придумывал правила и мысленно награждал себя воображаемыми медалями из жевательного зефира.

«Пункт пятнадцать: победитель получает право первым доставить подарок самому смелому ребёнку в Галактике! – вещал его внутренний голос. – И этим победителем буду я! А дядя Тук... он бы оценил мою скорость. Жаль, его нет, чтобы увидеть».

Миг замыкала шествие. Её самокат едва жужжал. Вся её энергия была направлена не в ноги, а в огромные, всепоглощающие глаза и уши-радары, вращающиеся независимо друг от друга. Она замечала не следы, а изменения: как сторожевые Колокольчики-Недотроги на углах крыши дремали, не издав ни звука при их приближении; как тень от пролетающего Облака-Путешественника легла не на восток, а на север, будто что-то тянуло её; как далеко внизу Фонтаны-Рассказчики плескались вяло и односложно, словно забыли свои любимые байки.

«Они не просто ушли, – шептал ей внутренний голос, тихий и ясный. – Они взяли с собой кусочек шума. Часть нашей планеты теперь молчит».

— Финиш! Корона моя! – Цвирь влетел на шпиль, похожий на золотую сахарную спираль, и вскинул лапы. Его хохолок выстрелил снопом оранжевых искр – цвета мимолётной, одинокой победы.

— Подвох! – завопил Бульк, подкатывая. – Ты срезал через «Лужу Отражений»! Это запрещённая зона! По правилу...

— Каким правилам? – тихо спросила Миг, останавливаясь рядом. Она не смотрела на них. Она смотрела вниз, на пустой Катапультотдром Мечты.

– Кто будет нас сейчас судить? Дядя Тик? Зум? Тук? Они исчезли. Исчезли вместе с... смыслом правил.

Тишина, наступившая после её слов, была страшнее любой бури.

Часть 2: Старейшина, которая помнит каждый шёпот ветра

Звук, прервавший эту тишину, был настолько мягким, что казался её частью – чуть более тёплой и бархатистой. Это был звук шагов по хрустальной крошке крыши.

Появившаяся Пимка не возникла внезапно. Она как будто всегда была там, стояла в тени гигантской трубы-конфеты, и они её просто не замечали, пока она не сделала шаг вперёд.

Это была Луми. Её знали все. Не только как одну из Совета Старейшин, но и как легенду. Она прошла путь от бесстрашной Отважной, открывавшей маршруты к самым опасным планетам, до мудрой надзирательницы, чьи лапы настраивали тончайшие механизмы Гипер-Гигантской Мастерской и чей ум держал в равновесии сложнейшие логистические схемы доставки счастья.

Её серебристая шёрстка, обычно сиявшая мягким светом отполированного лунного камня, сегодня была матовой, будто припорошённой пеплом. Даже её знаменитая причёска – сложная спираль «Вихрь Рассвета» – слегка растрепалась, и одна прядь печально спадала на лоб. Но в её глазах, цвета тёмного аметиста, горел тот же неугасимый огонь, что и у её племянницы, Шепот. Тот же дар чувствовать мир насквозь, только отточенный веками опыта.

— Корона, – произнесла она тем же мягким, но невероятно чётким голосом, – часто бывает очень одинокой. Особенно если надеть её там, где царствовать можно лишь над пустотой.

Хитрецы застыли. Перед ними была не просто взрослая Пимка, а живая история. Они ждали гнева, нотации, наказания – но в глазах Луми не было ни злости, ни даже досады. Была глубокая, знакомая им по Шепот усталость от того, что видишь и чувствуешь слишком много. Смешанная с чем-то острым и личным – с материнской, нет, тёткиной тревогой.

Цвирь, всегда готовый отстреливаться словами, первым нашёлся:

— Мы... проводили инспекцию защитного покрытия! Проверяли Пузырьки-Хрустелки на прочность! В случае вторжения...

— Семь порталов, – Луми перевела взгляд на него, и её слова упали, как капли тяжёлого, холодного сиропа.

– Семь циклов Больших Врат. Столько я не чувствую... её. Не чувствую спокойного бие-ния её сердца в общем ритме планеты.

Она говорила о Шепот. И Хитрецы это поняли. Луми смотрела уже на Миг, ища в ней ту же чуткость, что была в её племяннице.

Миг медленно, торжественно кивнула.

— Они не просто пропали, – прошептала Миг. – Они... испарились. Так же, как пропав-шие подарки. И Ковёр из Шёпчущего Мха у их домов... он перестал шептать. Он просто... спит. И у дома Шепот... он спит крепче всех.

Луми закрыла глаза. На её веках сыграла тень острой, личной боли. *«Маленькая моя тихоня. Куда ты повела своих друзей? Что ты там увидела такого, что не рассказала даже мне?»* – пронеслось в её голове. Когда она открыла их снова, в них бушевала целая буря из ответственности Старейшины и страха родственницы, но голос остался ровным, каменным.

— Спускайтесь. Здесь, – она ткнула лапкой в почти невидимый люк, замаскированный под плитку «Лунная шахта», – есть Труба-Шёпотунья. Она выведет прямо в мои покои. И... расскажите. Всё, что видели и почуяли. Даже то, что кажется бредом сонной улитки. Мне нужны не факты Совета. Мне нужна... правда.

Часть 3: Правда, сплетённая из трёх голосов

Комната Луми оказалась похожей на командный центр и гнездо одновременно. Одна стена была живой картой галактических маршрутов с мерцающими линиями-путями. Другая – стендом с хитрыми приборами-регуляторами, тихо пощелкивающими и подмигивающими разноцветными огоньками. А в центре, на пуфах-облаках, паривших над полом из тёплого янтаря, должно было быть уютно. Но сегодня уюта не было.

Луми не села. Она стояла у карты, и её взгляд бегал по знакомым маршрутам, будто ища ту единственную, не нанесённую на карту тропинку.

— Начинайте, – сказала она, и в её голосе прозвучала не привычная команда Старей-шины, а просьба. – С самого начала. С того, как изменился воздух.

И они начали. Цвирь, захламляясь, выкладывал факты: странные ночные огоньки у Заброшенных Облачных Фабрик, шорох в Кустах-Подслушивателях, на котором он подслу-шал обрывок разговора Зум про «пятого пассажира» и «ключ, который нельзя повернуть».

Бульк, краснея, признался, что подглядывал, как Тук тренировался не с Маршмел-лоу-Грушей, а с каким-то невидимым противником, отражая удары по воздуху и хмуясь так, будто бился с самой Грустью. «Он говорил сам с собой: «Не сила... понимание...»».

Но главным рассказчиком стала Миг. Без эмоций, но с пугающей точностью, она выда-вала наблюдения, которые заставили Луми побледнеть:

— За три дня до исчезновения Шепот прошла по Тропинке Воспоминаний, и все Камушки-Хранители вдоль неё засветились густым синим – цвет глубокой печали и... преду-преждения. Она шла и гладила каждый, будто прощалась.

— У Зум в мастерской три дня не выключался Паяльник-Молния. Он гудел, как разгне-ванный шмель. А потом... тишина. И запах жжёного зефира сменился запахом... холодного металла и звёздной пыли.

— Дядя Тик перестал прыгать. Он сидел на мосту и смотрел на звёзды через Очки-Теле-скопы, но не на те, куда летают Отважные. На другие. На самые тусклые, на самом краю карты. И катал в лапах Камешек Дома... до дыр. И хохолок у него искрился не весело, а... тревожно. Как перед грозой.

Луми слушала, не перебивая. Лишь её собственный хохолок, наследственный дар её семьи, временами выпускал короткие, резкие искры – серебряные от догадок, стальные от тре-

воги, лиловые от щемящей боли за Шепот. Когда Миг замолчала, Луми долго смотрела на пульсирующую карту.

— Они не убежали, – наконец сказала она, и это прозвучало как приговор ей самой. – Они шли *навстречу* источнику болезни. Знали, куда. Знали, что это за гранью любых инструкций, которые я когда-либо писала. И... не взяли никого из нас. Взрослых. Старейшин. Потому что мы стали частью Системы. А Система, когда сталкивается с чем-то иррациональным, впадает в ступор или начинает писать новые протоколы. У них не было на это времени.

— Почему Шепот не сказала вам? – вырвалось у Цвирия. – Вы же её тётя... вы чувствуете то же самое!

— Потому что, – голос Луми дрогнул, и она обернулась к ним, и в её глазах отразились они трое – маленькие, взъерошенные, ещё не испорченные взрослой осторожностью, – она любит меня. И не хотела ставить перед выбором: долг Старейшины... или семья. Она решила взять груз на себя. Как и её друзья. Они не дети... они – хранители. Более верные, чем мы с нашими советами.

Часть 4: Миссия «Тень»: доверие поверх правил

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гулом приборов. Даже искорки в янтарном полу замедлили свой бег.

— Что... что нам делать? – спросил Бульк, и в его голосе не было бравады. Был чистый, детский страх перед бездной, в которую прыгнули их герои.

Луми подошла к нему и присела, чтобы быть с ним на одном уровне. Жест был непривычным для Старейшины, но естественным для родственницы.

— Вы уже делаете. Вы ищете. Вы – единственные, кто ищет не *нарушителей спокойствия*, а *потерянную совесть нашего мира*. Вы чувствуете ту же дыру, что и они.

Она встала и подошла к небольшой Чаше-Зеркалу в нише. Не дунула, а просто посмотрела в неё, сосредоточившись. Поверхность заколебалась, и в ней, как в тумане, проступили образы: четыре знакомые тени в коконе прозрачного корабля, бескрайняя молочная пустота, и на краю её – огромная, чёрная, пульсирующая гора абсолютного одиночества. Луми вздрогнула и отвела взгляд.

«Так вот куда... На самую грань. Моя бедная, смелая девочка...»

— Я не могу послать за ними официальный поисковый отряд, – сказала она, опираясь лапой о стену для поддержки. – Совет, генерал Круп... они потребуют отчётов, оценок риска, санкций. Мы упустим и без того крошечное окно. А там... там время, я чувствую, течёт против них.

Она повернулась к ним, выпрямившись во весь свой невысокий, но внушительный рост.

— Но я, Луми, Старейшина и тётя Шепот, могу доверить это тем, кого Система не видит. Тем, кто, как и они, верит в действие больше, чем в инструкцию. Кто умеет пролезать в щели, куда не влезет официальный патруль. Слышать шёпот, который заглушает гул машин.

Цвирь, Бульк и Миг замерли, поняв без слов. Их не наказывали. Их... вводили в круг доверенных. Выше любых правил.

— Наша миссия? – прошептал Цвирь, и его глаза загорелись алым огнём не охотника, а следопыта.

— Найти не их, – сказала Луми. – Найти нить Ариадны. Ту, по которой они ушли. Понять, с чем столкнулись. И если сможете... – её голос стал тише, в нём зазвучала мольба, – передать им сигнал. Один. Простой. Что дома их помнят. Что здесь есть... точка возврата.

— У нас нет корабля! Нет ключа! – выдохнул Бульк.

— У вас есть то, чего не было у меня в ваши годы, – сказала Луми. – Пытливость Цвирия, упрямая честность Булька и бездонное, родственное внимание Миг.

А ещё... – она подошла к одному из приборов, нажала скрытую кнопку, и из щели выдвинулся маленький ящичек. В нём лежали три предмета:

– Браслет-Компас, чья стрелка не указывала на север, а дрожала, будто ловила эхо чужого сердца;

– Камень-Эхо, тёплый на ощупь, способный записать и воспроизвести не звук, а настроение;

– Окуляр-Прозрения, через который видны были не предметы, а следы сильных эмоций.

– ...инструменты, которые Зум разрабатывала для Шепот. Тестовые образцы. Она оставила их у меня «на всякий случай». Думаю, этот случай настал.

Она протянула им эти вещи. Жест был торжественным, как передача эстафеты и семейной реликвии одновременно.

— Вы – операция «Тень». Ваша задача – быть невидимыми для Системы, слышать неслышимое для других и докладывать только через Почтовый Цветок «Лунный Лотос» на моём балконе. Он раскроется лишь для вашего прикосновения. Если вас поймают – вы просто озорничали и нашли странные безделушки. Вы никогда не видели эту комнату. Понятно?

Они кивнули. Разом. В их глазах больше не горел огонь просто игры. Горел огонь осмысленного долга.

— Тогда начинайте. След, по моим данным, начинается у Зброшенных Облачных Фабрик. Там зафиксирован последний всплеск... несанкционированной магии. Ищите. И, – Луми положила лапу на плечо каждому, – держитесь вместе. Как настоящая семья. Как они.

Хитрецы выскользнули из комнаты через потайной ход, их сердца бились в унисон от важности и страха. Они были больше не озорниками. Они были «Тенью». Щупальцами надежды, которые протянула вслед своим детям мудрая, напуганная и любящая Старейшина.

А Луми, оставшись одна, подошла к большому окну, выходившему в сторону самых тусклых звёзд. Она прижала лапу к холодному стеклу, и её хохолок излучал тихое, печальное сияние.

— Я нарушаю Устав, дочь моей сестры, – прошептала она в сторону бездны. – Я отправляю детей по следу детей. Прости меня. Но Устав писался для угроз, у которых есть форма. А твоя угроза... она бесформенна, как тоска. Против неё только и остаётся, что детская прямота и старая, как мир, любовь. Найди их. И... вернись. Все. Целиком. Я буду ждать здесь, отключив все датчики и нарушив все пункты. Ради тебя.

ГЛАВА 2: СОВЕТ ТРЕВОГИ И КАМЕШЕК НАДЕЖДЫ

Часть 1: Звонок, который нельзя не сделать

После того как три юркие тени Хитрецов скрылись в потайном проходе, комната Луми наполнилась гулкой, тяжёлой тишиной. Но это была не тишина покоя. Это была тишина перед бурей, которая бушевала внутри неё самой.

Её радужный хохолок, обычно излучавший ровное, мудрое сияние, пульсировал сбивчивым миксом цветов: свинцово-серый от вины, тревожный синий от догадок и тёплый, лиловый — цвет безграничной тревоги за племянницу Шепот.

Они улетели. Не сбежали — улетели. На поиск источника беды, — пронеслось в её голове, и от этой мысли стало одновременно горько и... гордо. Четверо её самых ярких, самых дерзких, самых *чувствующих* Пимков сделали то, на что у взрослых не хватило смелости или скорости. Они увидели рану на теле планеты и решили её залечить, не спрашивая разрешения.

Но Луми была Старейшиной. Её особая роль — хранить порядок, писать своды правил, которые оберегают радость. Молчать теперь, зная то, что она знает — значило предать саму суть своей работы. Предать доверие Совета.

Она подошла к изящному прибору на стене — «Камертону Чистых Намерений». Вздыхнув так глубоко, что замерцали даже искорки в её хохолке, она дотронулась до него тремя

пальчиками и пропела чистую, ясную ноту. Не сообщение, а чистый сигнал — вибрацию самой высокой важности и срочности, которую знали все Старейшины Пим-Стар.

Сигнал означал: «Совет. Немедленно. Фундамент под вопросом».

Звон, не слышимый ушами, но ощущаемый каждым сердцем, пронёсся по всей планете. Цветы-Будильники на крышах замерли, фонтаны на секунду застыли. Везде, где были Старейшины, их хохолки вспыхнули ответным светом — цветом изумления и готовности.

Часть 2: Арена мнений и шёпот кулуаров

Зал Совета, «Арена Гармоничного Резонанса», был похож на гигантскую половинку самого красивого пончика в мире. Многоуровневые скамьи из облачного мрамора спускались амфитеатром к круглой сцене-подиуму в центре, над которой парил «Купол Проекций» — полупрозрачная сфера, готовая показать любые образы и карты.

Когда Луми вошла, зал уже гудел, как гигантский, встревоженный улей. Десятки Старейшин — Пимков всех возрастов и оттенков шёрстки — сидели, стояли, перешёптывались. Их хохолки переливались целой палитрой эмоций: любопытный жёлтый, оранжевое недоумение, зелёное беспокойство. Воздух был густ от запаха старого пергамента, сладкой пыльцы и лёгкой нотки всеобщей растерянности.

Все взгляды — большие, маленькие, прищуренные, широко открытые — устремились на Луми. Она прошла по проходу к своему месту в первом ряду, чувствуя, как сотни вопросов буквально жгут ей спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.